

© С.С. Алымов, Е.Н. Романова

«Этнография – это не только про народы, это про нас». Интервью с Е. Н. Романовой

Ключевые слова: история антропологии, якутская этнография, семиотика, праздничная культура, Ысыах

Интервью С. С. Алымова с антропологом Е.Н. Романовой посвящено ее творческому пути и взглядам на развитие этнографии и антропологии Якутии. Екатерина Назаровна вспоминает о своем детстве, обучении на кафедре этнографии Ленинградского университета, изучении праздника Ысыах и семиосферы культуры саха. Исследователь рассказывает о своем общении с учителями и коллегами из Санкт-Петербурга, Москвы и Якутии, о развитии якутской этнографии/антропологии, культурной жизни Якутии и Ленинграда в 1980–2020-е годы.

Сергей Алымов (далее С.А.): Расскажите, пожалуйста, о своих предках, семье, родителях. Кем они были и какое влияние на вас оказали?

Екатерина Романова (далее Е.Р.): Конечно, все мы имеем корни из села. Предки со стороны моего отца занимались коневодством — мой родной дядя Антон был коневодом. Для меня это очень важно! Будучи еще маленькой, я приезжала в деревню на лето. Помню это ощущение детства. Рядом коровы, лошади, лес, и как будто бы все они с тобой разговаривают... У мамы была интересная судьба. Она мне рассказывала о том, что в ее семье много рождалось детей, но все они умирали в младенческом возрасте. Когда она родилась, согласно якутскому обряду, ее сразу отдали на воспитание дедушке и бабушке. Дедушка Никон был кузнецом. Он был очень хорошим мастером! И ружья якутские делал, и другие предметы быта. Мама взяла фамилию дедушки — Никонова, и не поменяла ее, даже выйдя замуж за моего отца. Позднее, когда я стала ездить в этнографические экспедиции и приехала в Нюрбинский улус (это родина моей мамы Федоры Ивановны Никоновой), мне сказали, что род моей мамы — шаманский. Интересно, что род и шаманский, и в то же время

Романова Екатерина Назаровна – к.и.н., главный научный сотрудник Центра интеллектуальной истории и культуры ИГиИПМНС СО РАН. e-mail: e_romanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-0608>

Алымов Сергей Сергеевич – старший научный сотрудник ИЭА РАН. e-mail: alymovs@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-9988-9556>

Для цитирования: Алымов С.С., Романова Е.Н. «Этнография – это не только про народы, это про нас». Интервью с Е.Н. Романовой // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 1. С. 109-137, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/109-137>

кузнецов! Помню, что еще в советское время она привезла из родной деревни в пакете землю и остатки кузнечного горна дедушки. Эти обгоревшие кусочки железа как семейная реликвия хранились долгое время дома... Мама говорила нам, что дедушка рядом, и он всегда помогает нам. Этнография, получается, со мной с детства. Помню, то я езжу в с. Кобяй на родину отца, то в Нюрбу на родину мамы. В Якутске мы жили на проспекте Ленина — самой центральной улице. Это все равно, что Невский проспект в Ленинграде или Тверская улица в Москве. В нашей квартире были очень большие окна с широким подоконником. У меня было любимое занятие в детстве: садиться на подоконник и наблюдать за тем, что происходит за окнами. Это был целый мир!

Я училась в одной из лучших школ г. Якутска, школе № 8, которая была построена еще в 1940-е годы и находилась на проспекте Ленина. Была абсолютно городской девочкой, которая летом погружалась в деревню и местный быт. На якутском языке в годы моего детства (1970-е) в городской среде почти не говорили, но я очень благодарна моим родителям за то, что в семье у нас говорили на родном языке. Мама, Федора Ивановна, была учительницей начальных классов. Она окончила известное в республике Вилюйское педагогическое училище, получила качественное образование. Папа, Назар Харлампович Дьяконов, по образованию был учителем математики, и именно то, что они имели педагогическую специальность и определило их будущую совместную судьбу. Мама по распределению приехала в Кобяйский район (родина отца), в школу, где он работал математиком, там они и нашли друг друга. Их любовь, уважение друг к другу, отношение к работе на протяжении всей жизни всегда были примером для нас, детей. Они были театрами, не пропускали ни одной премьеры в городе, ходили и на концерты художественной самодеятельности, где сельские жители пели свои самобытные песни и танцевали традиционные танцы. Папа, будучи заведующим финансовым отделом Областного комитета коммунистической партии, заочно окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию по развитию местной промышленности в Новосибирске в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Папа — известный и очень уважаемый человек в республике. На родине папы есть школа его имени, каждый год от семьи Дьяконовых мы вручаем именную стипендию лучшим выпускникам этой школы. Назар Харлампович — первый экономист-рыночник в Якутии! Казалось бы, отец работал в финансовой сфере, связанной с партийной работой, но все свободное время он посвящал науке! Удивительно, но он писал статьи и все время выписывал научную литературу, поэтому у нас была очень солидная домашняя библиотека. Папа выписывал все, начиная от энциклопедий и заканчивая художественной литературой. Мы хорошо знали русскую и зарубежную литературу. Я легко училась в школе, особенно по гуманитарному циклу.

У меня три брата и две сестры. Мы считаемся в республике одной из уникальных семей, где было воспитано пять ученых. Самый старший брат Михаил учился в Казахском государственном университете и стал одним из первых якутских космофизиков, член Нью-Йоркской академии. Второй брат Харлампий пошел по стопам папы, он — доктор экономических наук. Евгений, младший из моих братьев, стал врачом. Две мои сестры участвовали в моем «взрослении» и обретении своего Я. Юлия Назаровна Дьяконова — кандидат филологических наук. Когда она училась в аспирантуре, я ходила к ней в Ин-

ститут русской литературы (Пушкинский Дом), будучи студенткой Ленинградского университета, на лекции академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это на меня оказало огромное влияние! Ты поднимаешься по лестнице института и встречаешь самого Дмитрия Сергеевича, который идет в зал читать лекцию. Очень важна для меня встреча с этим великим ученым. Вторая сестра — Наталья Назаровна Дьяконова — доктор исторических наук, первый интеллигентовед у нас в республике. Она окончила с красным дипломом исторический факультет Ленинградского университета и преподавала в нашем Якутском университете. Семья, как вы видите, научная, очень образованная, но мы дети, всегда осознавали, что мы в первую очередь представляем народ саха. И это была большая ответственность.

В детстве, когда я училась в четвертом классе, привезли маму моего отца — бабушку Настю, она была слепая... Я вот теперь думаю, как правильно поступили тогда мои родители. Я сидела дома с бабушкой, и папа сказал, чтобы я читала ей сказки на якутском языке. Читала я ей «Якутские сказки» под редакцией известного ученого-фольклориста Гермогена Устиновича Эргиса. Мне, городскому ребенку, вначале было сложно. Но сейчас я думаю: «Как здорово! Теперь я не только знаю, но и чувствую всю красоту и богатство якутского языка!» Тогда мало кто из городских детей говорил по-якутски. Вот такая была ситуация. У нас дома царил культ знаний, культ книги. Мы хорошо все учились, и сразу после школы поступали в высшие учебные заведения.

Я не выбрала этнографию сразу, потому что она была моей повседневностью. Сестра моя, Наташенька, поступила в Ленинградский университет на исторический факультет и стала отправлять мне открытки Эрмитажа, Русского музея. У меня как-то складывалось в голове, что, возможно, я стану искусствоведем. Мы выписывали журналы «Советский экран» и «Искусство кино» — эти журналы мы читали наперебой!

Наша квартира была в центре города, и поэтому у нас часто собирались папины друзья — известные люди Якутии. Это были братья Софрон и Семен Даниловы — одни из знаковых фигур в развитии советской якутской литературы, приходил к нам и доктор исторических наук Федот Григорьевич Сафронов — один из столпов нашей исторической науки. Помню, мама вытирала стол, стелила газету, и он раскладывал на ней фотографии дореволюционной интеллигенции. Мы с сестрой рассматривали эти снимки, слушали истории о тех, кто не принял советскую власть, о якутских эмигрантах, о Харбине и Японии, о репрессиях и гражданской войне. Такие достойные представители саха, такие одухотворенные лица были на фотографиях! Федот Григорьевич Сафронов приоткрыл нам что-то запретное, нельзя было тогда рассказывать, что была и другая история народа саха. Это повлияло на будущий выбор моей сестры, Наташа начала изучать мир якутской интеллигенции.

Наш отец сочинял стихи, на которые были написаны якутские песни. К нам домой часто заглядывал первый национальный профессиональный композитор Захар Константинович Степанов, тоже уроженец Кобья, и они вместе работали. Такая творческая атмосфера была в нашем доме! В своих первых работах по экономике папа подчеркивал, что нужно развивать местную промышленность. Он считал, что мы должны заниматься своим производством, и смело в те годы поддерживал сельских предпринимателей, занимающихся производ-

ством мяса и молочных продуктов. После защиты в Новосибирске он сохранил дружеские отношения с тогдашним директором Института экономики Абе́лом Гезевичем Аганбе́гяном¹, академиком, он потом переехал в Москву. Он тоже бывал у нас в гостях! Мама была гостеприимной хозяйкой, идеальной женой, заботливой мамой, она следила, как у нас с уроками, при этом постоянно общалась с нами на родном языке. Оглядываясь назад, думаю, как много в меня вложила моя бесценная семья, и сейчас я все в своей жизни сверяю по тому, что бы сказали мои родители, мои братья и сестры на те или иные поступки. И как это горько, что я могу обратиться к ним сегодня только мысленно...

С.А.: Какие воспоминания остались у вас о школе и учителях? Были ли у вас любимые учителя и предметы? Как они повлияли на ваше становление?

Е.Р.: В школе я училась хорошо. Моя учительница истории в четвертом классе Светлана Иннокентьевна Габышева заметила мой интерес к истории, я часто делала какие-то доклады, выступала на гуманитарных олимпиадах. Помню, мы сдавали уже выпускные экзамены в десятом классе, она вышла ко мне и говорит: «Катенька, все так бояться первыми идти, зайди, пожалуйста, и возьми билет!» Вот я и взяла.

У меня всегда было ощущение, что мне ближе всего история и литература. Я ходила в литературный кружок и в девятом классе просто «заболела» Достоевским. Наташа моя уже училась на первом курсе и из Ленинграда отправляла мне разные материалы по творчеству, памятным местам, связанным с Ф.М. Достоевским. На тот момент я уже прочитала все известные произведения писателя. Еще яркое воспоминание, как я делала доклад о писателях-шестидесятниках, и я очень много писала почему-то про Всеволода Гаршина, автора «Красного цветка»². Почему-то очень все интересно мне это было! Может быть, одним из важных моментов, почему я выбрала Ленинград для своей дальнейшей учебы — очень хотела пройтись по местам Достоевского. Это один из самых экзистенциальных писателей, к творчеству которого все время нужно возвращаться. Да, 8-я школа дала мне очень хорошие знания. И самое главное — я нашла там преданных друзей, которые первыми узнают все новости из моей жизни.

После 10 класса встал вопрос «Куда пойти учиться?», аттестат-то был хороший. Наташенька моя училась в Ленинграде, я подумала, что, наверное, надо выбрать другой город. Михаил учился в Алма-Ате, папа защитился в Новосибирске, еще один мой брат перевелся в то время в Томский медицинский институт (правда, не окончил его). Тогда в республику приходила информация о том, какие и где есть целевые места. Там не было никаких льгот, все экзамены нужно было сдавать. Я выбрала Уральский университет, исторический факультет, а именно архивоведение. Очень легко поступила, но только один год там проучилась. С теплом вспоминаю своего первого научного руководи-

¹ Аганбе́гян Абе́л Гезевич (род. 1932) — советский и российский экономист, специалист в области организации промышленного производства, проблем производительности труда и др., академик АН СССР (1974). В 1966–1984 гг. — директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук (ИЭОПП СО АН СССР).

² Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888) — русский писатель, поэт, художественный критик. В рассказе «Красный цветок» передаются впечатления психической болезни, которой страдал Гаршин.

теля — профессора, заведующего кафедрой источниковедения и историографии истории СССР Олега Андреевича Васьковского³. Я ему очень благодарна, именно он после отличной защиты моей курсовой по историографии Урала, сказал: «Катя, вам надо наукой заниматься! У вас системное видение». Я уже тогда начинала понимать, что мне нравится не только работать с источниками, реставрировать или правильно их описывать, но что я хочу их изучать!

Тогда я обратилась к отцу с идеей перевода в Ленинградский университет. По всем сложным, судьбоносным вопросам мы всегда советовались с папой. Папа поддержал: «Почему нет? Если у тебя есть такое желание, то стоит попробовать». Летом я написала письмо в Ленинград, Наташа заходила на кафедру этнографии и встретила Рудольфа Фердинандовича Итса⁴, заведующего кафедрой. Он не был против перевода, такая практика была возможной, но необходимо было сдать разницу в предметах — 16 зачетов и 4 экзамена. Осенью я приехала в Ленинградский университет. Меня поразило, что, когда я пришла на кафедру, Рудольф Фердинандович спросил: «Катя, а вы знаете язык?». Я почему-то подумала, что он имеет в виду английский язык. «В школе училась неплохо по английскому», — сказала я. Он засмеялся: «Нет, я хочу подготовить этнографа из национальной республики, но который знает свой язык». Честно говоря, я удивилась тогда его вопросу.

Всю разницу я сдала за две недели и стала учиться уже на кафедре антропологии и этнографии. Вначале я присматривалась, потому что у меня было ощущение, что хочу учиться на кафедре искусствоведения. Тем более, что у меня появились друзья с кафедры искусствоведения. Подружилась с Андреем Хлобыстиным⁵, очень хороший искусствовед. У него отец — Леонид Павлович Хлобыстин⁶ был известным археологом и занимался Севером. Другой моей была Катя Знаменова, ее отец Вадим Валентинович Знаменов⁷ был директором Музея в Петродворце. Позже подружилась с Аллой Митрофановой, а также с искусствоведом с вечернего отделения Кариней Соловьевой (сейчас директор фотофонда в РЭМе). Мне было с ними очень интересно и комфортно. Они знакомили с историей, культурой и мифами города, я открывала с ними свой Петербург-Ленинград!

С.А.: Почему же вы перевелись на этнографию?

³ Васьковский Олег Андреевич (1922–1995) — советский и российский историк, доктор исторических наук (1968), профессор (1970), основатель и руководитель уральской историографической школы.

⁴ Итс Рудольф Фердинандович (1928–1990) — советский этнограф, специалист в области этнической истории Восточной Азии, Сибири, Дальнего Востока, профессор, доктор исторических наук, организатор и руководитель кафедры этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ, с 1982 г. и до своей смерти заместитель директора Ленинградской части Института этнографии АН СССР.

⁵ Хлобыстин Андрей Леонидович (р. 1961) — российский художник и искусствовед, один из первых исследователей советского неофициального искусства.

⁶ Хлобыстин Леонид Павлович (1931–1988) — советский археолог, доктор исторических наук. Проводил исследования в Арктике (на Кольском полуострове, Шпицбергене), на Таймыре и Ямале.

⁷ Знаменов Вадим Валентинович (1936–2020) — советский, российский историк; генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф» (1974–2008).

Е.Р.: Как я уже упоминала, после совета моего первого руководителя по курсовой я начала думать. Мне было интересно читать о культурах и обычаях других народов. Наташа написала мне, что на историческом факультете читают великолепные лекции по этнографии! Их читал Р.Ф. Итс, который был одним из самых ярких лекторов Ленинградского университета. Я постепенно вписывалась в этнографическое сообщество. Мне тогда не очень нравилась физическая антропология как предмет. Со мной вместе учился добродушный парень Франсуа Мемпансенгар из Республики Чад. И вот наш преподаватель, физический антрополог Надежда Цветкова, все время подчеркивала, глядя на нас: «Вот у нас есть монголоидная раса, вот у нас есть африканоидная раса» и дальше рассуждала о наших антропологических особенностях. Наверное, это было не совсем правильно. Сама по себе Надежда Николаевна была приятным человеком, но ее лекции отталкивали меня от самого предмета. Она строго придерживалась теории человеческих рас. Я тогда удивилась, что она говорила об обязательном наличии желтой кожи у азиатов. Она принесла инструмент — шкалу Лушана⁸ — для определения цвета кожи. Велико было удивление, когда самая белая кожа оказалась у меня! Я тогда для себя уяснила, что физическая антропология — это хорошо, но не надо все воспринимать как некую догму. Мы еще измеряли каждому череп... Одним словом, было весело.

Я ходила на лекции, аккуратно записывала конспекты и вовремя сдавала зачеты и экзамены. Вдруг на кафедре появилось объявление о сибирском семинаре доктора исторических наук археолога Дмитрия Глебовича Савинова⁹. Думаю, все, что во мне есть сегодня, это заслуга Дмитрия Глебовича, потому что он стал моим Учителем. Он, во-первых, читал нам лекции по этнографии Сибири и начал вести сибирский семинар. Как профессионально и зажигательно он читал лекции! У него был крупнейший источниковый материал, он был непревзойденным специалистом по тюркологии. В его семинаре кипела научная жизнь! Он умел заразить своими идеями, и ты уже был в плену его концепций и доводов! Тогда мы все бредили этногенезом и этнической историей. Для меня очень важно было узнать, откуда корни наших предков. Он предлагал разные гипотезы, так что сразу хотелось бежать в библиотеку и читать этнографическую литературу. На сибирском семинаре я подружилась с Татьяной [Борисовной] Щепанской, известным сегодня антропологом. Мы до сих пор с ней дружим и вдохновляем друг друга. Я потихоньку начала осознавать, что я на своем месте. Первой моей работой был доклад о Ксенофонтове¹⁰ и его трудах по шаманизму. Дмитрий Глебович сказал мне: «Катя, определяйся, мы должны сделать такую курсовую, которая стала бы впоследствии твоей дипломной работой». Так я решила, что мне надо заниматься ритуальной культурой саха. Когда я была на третьем курсе, в Ленинград приехал Юрий Михайлович Лотман. Он организовал несколько лекций в университете на филологическом факультете, и я там была. Тогда я решила, что буду заниматься только семиотикой, буду заниматься семиосферой! Это

⁸ Цветная шкала Лушана — шкала для классификации цвета кожи человека. Названа в честь своего создателя, германского антрополога Феликса фон Лушана (1854–1924).

⁹ Савинов Дмитрий Глебович (1941–2023) — советский и российский археолог, специалист по древней и средневековой археологии и истории Сибири. Доктор исторических наук (1987), профессор (1991), заведующий кафедрой археологии СПбГУ (1996–2001).

¹⁰ Ксенофонтов Гавриил Васильевич (1888–1938) — исследователь истории, этнографии и фольклора якутов, эвенков и бурят. Расстрелян по «якутскому делу» с обвинением в шпионаже. В 1957 г. реабилитирован.

было как Вселенная! Я поняла, как же здорово, что я нахожусь в Ленинграде и могу видеть и слышать Дмитрия Сергеевича Лихачева, Юрия Михайловича Лотмана, а еще я побывала в те годы на лекциях Льва Николаевича Гумилева. Эта интеллектуальная среда настолько меня заворожала и увлекла, что я все время повторяла: «Я должна написать такую работу, которая будет актуальна через 20–30 лет». Я хотела написать что-то совершенно новое, чтобы это было интересно всем этнографам Советского Союза. Я просто слушала своих кумиров и осознала, что в науке надо оставить вечное. На третьем курсе утвердила тему «Историография праздника Ысыах» и потихоньку начала ею заниматься. Впоследствии это стало моей кандидатской работой.

Е.Н. Романова и Д.Г. Савинов.
Санкт-Петербург, 2022 г.

Я уже не первый год жила в Ленинграде, Юля училась в Пушкинском доме, Наташа окончила с красным дипломом университет и сразу уехала в Якутск. Юля уже писала свою диссертацию «Якутская сказка (русско-якутские взаимосвязи)». Однажды мы с ней пришли напечатать ее работу в машбюро «Красные зори», но никто не хотел ее брать, поскольку там было очень много якутских слов (имена героев, божеств и духов, названия местностей и т. д.). Юля так расстроилась, потому что работу уже нужно было сдавать научному руководителю! И вдруг к нам вышла статная женщина, с прямой осанкой — истинная петербурженка... После общения с нами она согласилась взять работу и пригласила нас вечером на Рубинштейна, 3. Это была Антонина Казимировна Шилейко, которая печатала работы самой Анны Ахматовой! Ее брат Владимир Казимирович Шилейко был известным ассириологом и вторым мужем Анны Ахматовой. Мы попали в удивительную среду, совершенно петербургскую! Антонина Казимировна стала нашим талисманом... Когда Наташа поступила в аспирантуру, мы все жили у нее. Улица Рубинштейна — моя родная улица, поскольку я жила здесь в коммунальной квартире на третьем этаже. В квартире как будто застыло Время. Пахло стариной: большие хрустальные люстры, дубовый шкаф, вышитые кружевные салфетки и высокие металлические подсвечники. Я видела печатную машинку, на которой печатала свои стихи Анна Ахматова! Антонина Казимировна стала нашим проводником в Петербург начала XX века, особенно мы с воодушевлением часами говорили о Серебряном веке. Она многих поэтов видела, в том числе и Маяковского. Ей уже тогда было за 80 лет, но она прекрасно

читала стихи, обо всем имела свое мнение, впечатляли ее прекрасный русский язык и аристократические манеры. Рассказывала она об Ахматовой, Гумилеве, Мандельштаме. Нужно было не дипломную свою печатать, а ее воспоминания! Ленинград был музеем под открытым небом, и этот тонкий слой сохранившихся петербуржцев, к которым принадлежала и Антонина Казимировна, был частью этого пространства.

Я не пропускала спектакли с корифеями театрального искусства — Олегом Басилашвили, Сергеем Юрским, Евгением Лебедевым, Ефимом Копеляном, Алисой Фрейдлих. Тогда рок был только подпольный, а мои искусствоведы были в курсе всей культурной жизни Ленинграда. Они знакомили меня с работами подпольных художников, слушали записи «Алисы», «Аквариума» и «Наутилус Помпилиус», молодежь ходила на частные концерты с Виктором Цоем. Это было время перемен.

С.А.: А что еще вы могли бы рассказать о кафедре этнографии ЛГУ тех лет?

Е.Р.: Для меня лекции Ленинградского университета были, конечно, разными, но яркой звездой в то время на историческом факультете был археолог Лев Самуилович Клейн¹¹. У него были оригинальные лекции и абсолютно своя формула оценки на экзамене. Тогда было настоящее созвездие археологов, например, А.Д. Столяр¹² с его теорией происхождения искусств. Средние века читала Валентина Владимировна Штокмар¹³. Все лекции историков сохранились в тетрадях моей сестры, и прямо по ним можно было заниматься и готовиться к экзаменам. Факультет был ярким благодаря как преподавателям, так и талантливым студентам. Сибирский семинар тоже отличался. Мы ездили на конференции, обсуждали вышедшие по этнографии книги, мы ведь представляем семинар Дмитрия Глебовича и должны хорошо выступать! Дипломная работа моя посвящена была мифологии и обрядам Сибири, а именно празднику Ысыах. Хотела показать, что в экспозиции сибирских праздников Ысыах оставался и в советское время, хотя таких календарных этнических праздников в других республиках уже и не было, например, в Бурятии, Хакасии, Туве. Хочу еще несколько слов сказать о Анатолии Игнатьевиче Гоголеве, замечательном этнографе из Якутии, я как раз с ним познакомилась в студенческие годы. Он защитил свою докторскую диссертацию по якутской этнографии в Ленинграде. Его связывала большая дружба с Дмитрием Глебовичем, именно Гоголев помог поступлению в аспирантуру на кафедру якутских исследователей Розалии Бравинной, Федора Васильева и Платона Слепцова. Позднее Розалия Иннокентьевна Бравина защитила докторскую диссертацию.

¹¹ Клейн Лев Самуилович (1927–2019) — советский и российский археолог, историк, теоретик археологии, историк науки. Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета и Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹² Столяр Абрам Давыдович (1921–2014) — советский и российский историк, археолог, искусствовед. Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета. Специалист по первобытному искусству.

¹³ Штокмар Валентина Владимировна (1914–1984) — советский историк-медиевист, специалист по истории Англии XV–XVII вв. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков исторического факультета Ленинградского университета.

Все они защитились в Ленинграде; с каждым из них у меня своя трогательная история. У нас было такое ленинградское братство. Я очень уважаю Анатолия Игнатьевича за его позицию, он никогда не препятствовал молодым, он очень много сделал для развития якутской этнографии, у него много учеников и есть своя научная школа.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, о ваших первых выездах в поле. Кто был вашим наставником в полевой работе? Как складывались отношения с «информантами»? Какой методикой сбора материала вы пользовались? Расскажите, пожалуйста, наиболее памятные для вас моменты полевой работы.

Е.Р.: Мое первое поле было после второго курса. У нас была такая дисциплина «Методика полевых исследований» по методичке Громова (*Громов* 1966). Мы должны были дома у себя пройти практику по этой методичке, работать с информаторами. Я поехала по виллойским улусам в экспедицию с сестрой Юлией, она ведь была фольклористом. Я сделала вопросник по методичке Громова, но все вопросы мои были на русском языке. На период нашей экспедиции пришлось как раз подготовка к Ысыаху — конец июня, правда, тогда это был советский праздник дружбы и труда. А я вопросы такие подготовила, например: «Участвуют ли в празднике белые шаманы?» [*смеется*]. У меня было ощущение, что там должно быть много этнографии. Когда приезжаешь в деревню в то время, обязательно нужно было сперва зайти в краевой отдел коммунистической партии к инструктору по культуре, который поможет тебе найти людей, у которых можно остановиться на время. Первая моя экспедиция была в Сунтарский улус — очень аутентичный район. Приехала, пришла в отдел культуры местной администрации. Так они мне обрадовались! На следующий день планировалось награждение передовиков сельского хозяйства. Мне нужно было совсем другое, я искала информаторов, которые рассказали бы о том, как раньше справляли календарные праздники.

Очень хорошо помню начало праздника: сперва доклад о достижениях района, кругом таблицы-транспаранты удоев коров, данные о лошадях. Все хорошо, конечно, но где божества, которым нужно делать обряд кропления? [*смеется*]. Инструктор по культуре выделил мне человека, который действительно хотел помочь. Но в какой-то момент я решила уйти от него и поискать информаторов самостоятельно, может, кого-то из пожилого населения. Вижу людей в национальных костюмах, они повесили на дерево ритуальную волосяную нить салама¹⁴, о которой я читала. Вдруг около меня сел почтенного возраста человек и говорит: «Девочка, ты иди смотреть спортивные состязания, там такие парни борются!». Я повернулась и сказала по-якутски: «Я собираю материал о том, как праздник раньше проводили!». Тогда старик говорит: «Ладно, приходи ближе к 11 часам вечера, здесь будут якутские танцы осуохай¹⁵, и ты всех найдешь». Сунтарский улус славился тем, что они могут по два дня осуохай танцевать! В этом обрядовом танце для меня открылся такой мир! Во-первых, есть запевала, который поет как пели раньше. Может ввести сюжет «советская власть нам многое дала», но при этом все время повторяет, что обряд веками проводился от самого мифологического

¹⁴ Салама — жертвенная лента, свитая из конского и коровьего волоса и украшенная разноцветными лоскутками материи.

¹⁵ Осуохай — традиционный обрядовый круговой танец якутов.

героя Элляя¹⁶! Память все-таки сохранилась! Я сразу почувствовала, что есть в празднике официальная часть и есть исконно народная. Это был первый опыт — никакие вопросы заранее не нужны, действовать нужно согласно случаю и ситуации. Потом я это же нашла у Ксенофонтова, что с информатором нужно говорить до тех пор, пока он не устал и не потерял к тебе интерес, нужно разговаривать так, словно тебе интересен сам человек, а не ответы на заранее подготовленные вопросы.

Во время протяжных круговых танцев осуохай шел конкурс: один запеваля поет три часа, другой — его перепевает. У запевалы есть «крылья» — по бокам от него люди, которые вторят ему и от них дальше начинают петь все. Я успевала во время отдыха запевал поговорить и с этими «крыльями», и с простыми участниками, все это мне дало такую ценную информацию и мощный эмоциональный заряд! Наверное, они удивились тому, что такая хрупкая девочка в больших очках, приехавшая из города, сидит с ними почти всю ночь и записывает все их разговоры в блокнот. Как я была взволнована, когда один из стариков-запевал сказал мне: «Давай на следующий день я попрошу внуков и съездим на мотоцикле туда, где проводили раньше Ысыах, увидишь старинные коновязи». Настолько я благодарна этим старикам! Они поняли, что я хочу узнать нечто большее. Тогда я точно решила, что буду всю жизнь заниматься этим праздником, и изучать традиционную культуру! В 1983 г. защитила дипломную работу на «отлично» и встал вопрос об аспирантуре. Вскоре я поступила в аспирантуру Ленинградской части Института этнографии АН СССР.

Сектор Сибири тогда был просто звездный — один известнее другого! Во-первых, я познакомилась с Сергеем Васильевичем Ивановым¹⁷, крупным искусствоведом, у него была огромная картотека дома. Несколько раз встречалась с патриархом советской этнографии Леонидом Павловичем Потаповым¹⁸. Для меня это был какой-то космос! Он ходил с тяжелой тростью, выглядел как интеллигент из XIX века. Очень величавый. Леонид Павлович в секторе тогда уже не работал, просто по четвергам приходил консультировать аспирантов. В секторе работали известный специалист Иннокентий Степанович Вдовин¹⁹, классик, занимался именно чукчами, Евгения Алексеевна Алексеенко²⁰ — специалист по кетам, Вера Павловна Дьяконова — по тувинцам. Я как-то сразу подружилась с Галиной Николаевной Грачевой²¹. Она была

¹⁶ Эллэй Боотур — легендарный первопредок якутов, культурный герой, основавший традиционное скотоводческое хозяйство, создавший материальные ценности, основатель праздника Ысыах.

¹⁷ Иванов Сергей Васильевич (1895–1986) — советский этнограф и искусствовед, специалист по изобразительному народному творчеству народов Сибири. Доктор исторических наук (1965).

¹⁸ Потапов Леонид Павлович (1905–2000) — советский и российский этнограф, доктор исторических наук, профессор. Крупнейший исследователь истории и культуры алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев и некоторых других народов Южной Сибири. В 1948–1967 гг. занимал должность заместителя директора Института этнографии, руководителя ленинградской части института.

¹⁹ Вдовин Иннокентий Степанович (1907–1996) — советский и российский этнограф, лингвист, северовед. Доктор исторических наук. Специалист по этнографии чукчей и народов Дальнего Востока.

²⁰ Алексеенко Евгения Алексеевна (1930–2017) — советская этнограф-северовед, исследовательница кетов.

²¹ Грачева Галина Николаевна (1934–1993) — советский и российский этнограф, специалист по этнографии долган и нганасан. Кандидат исторических наук.

очень коммуникабельной и тоже изучала символические тексты в культуре. Аспирантов приглашали на обсуждение работ в отделе, и я уже тогда понимала, что Галина Николаевна написала оригинальную работу о мировоззрении охотников Таймыра, правда, довольно сложно работа шла, было много нареканий со стороны старших коллег по ее «несоветской» методологии. Мы с ней были близки, она хорошо знала работы моего земляка Андрея Александровича Попова²² по нганасанам, якутам, долганам. Я часто бывала у нее дома, она читала мою рукопись. Помимо этого, конечно, в институте аспиранты должны были слушать лекции. Мне невероятно повезло в моей научной инициации! Я была на лекциях выдающегося ученого Кнорозова²³, запоем слушала рассказы о папуасском обществе: Борис Николаевич Путилов²⁴ съездил в этнографическую экспедицию по следам Н.Н. Миклухо-Маклая. Такие живые и ценные сведения! Очень интересно было слушать Николая Александровича Бутинова²⁵ по этнографии Австралии. Что касается Кнорозова — потрясающая личность! Под его руководством в институте работала группа молодых исследователей. Каждый их новый сборник был открытием для нас. Три тома «Вопросы этнической семиотики» востребованы сегодня как никогда, каждый, кто занимается «алфавитом» этнической культуры, обращается к этому уникальному труду. В моей памяти он остался как неразгаданная тайна. Помню его горящий взор, устремленный в глубины веков. Он был всегда над суетой, как подобает гению. С его ученицей Маргаритой Федоровной Альбедиль²⁶ я в дружеских отношениях и сейчас.

В аспирантуре я много общалась с фольклористами. Татьяна Щепанская к этому времени была уже в институте, и мы с ней часто пересекались. В этот период я часто брала консультации по семиотике у Альберта Кашфуллоевича Байбурина²⁷. Показывала ему свои первые семиотические статьи, мне это было очень важно, ведь он являлся продолжателем традиций тартусской семиотической школы. Я многому училась у своих коллег... Да, у меня была встреча в институте с Галиной Васильевной Старовойтовой²⁸, вспоминаю ее как очень деликатного и доброжелательного человека. Мы общались с ней на тему этнической психологии и этнической памяти.

²² Попов Андрей Александрович (1902–1960) — советский этнограф-сибиревед, специалист по этнографии долган, кетов, нганасан, якутскому шаманизму.

²³ Кнорозов Юрий Валентинович (1922–1999) — советский и российский историк, этнограф, лингвист, расшифровавший письменность майя. Доктор исторических наук.

²⁴ Путилов Борис Николаевич (1919–1997) — советский и российский фольклорист, специалист по мировому эпическому наследию. Доктор филологических наук, доцент.

²⁵ Бутинов Николай Александрович (1914–2000) — советский и российский этнолог, специалист по первобытному обществу, народам Океании. Доктор исторических наук.

²⁶ Альбедиль Маргарита Федоровна — советский и российский этнограф, историк и религиовед, один из ведущих специалистов по религиям и философии древней и современной Индии. Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии стран Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

²⁷ Байбурин Альберт Кашфуллоевич (1947) — советский и российский фольклорист, этнограф и антрополог. Доктор исторических наук, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), почетный доктор Сорбонны (2004), главный редактор журнала «Антропологический форум».

²⁸ Старовойтова Галина Васильевна (1946–1998) — советский и российский политический и государственный деятель, специалист в области межнациональных отношений, правозащитник. Кандидат исторических наук (1980).

Научным руководителем у меня был сам Рудольф Фердинандович Итс. Я очень ему благодарна еще и за то, что в 1980 г. он взял меня в экспедицию на БАМ. Строительство магистрали только началось, и Рудольф Фердинандович решил провести этнографическое исследование, какое влияние железная дорога оказала на жизнедеятельность эвенков поселка Иенгра. Мы поехали в экспедицию сборным курсом. Рудольф Фердинандович тогда правильно предугадал, кто будет дальше заниматься этнографией, а кто нет! Многие не смогли найти общий язык с местным населением, им ничего не рассказывали. Мне очень повезло! В Иенгре эвенки говорили по-якутски, и я сразу же нашла информатора — бабушку Меланью, и мы с моей подругой Ларисой [Федоровной] Поповой (училась старше курсом на кафедре этнографии, в настоящий момент заведующая отделом этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея) стали вместе работать. Мы с Ларисой собирали для бабушки Меланьи голубику и вели с ней задушевные разговоры. Мои полевые дневники так и остались на кафедре этнографии. Когда мы закончили экспедицию, Рудольф Фердинандович через какое-то время написал книгу «К людям ради людей: этнографические новеллы», там есть и рассказ об этой экспедиции и о нас, начинающих этнографах. Поле очень важно, оно показывает, насколько ты можешь работать с живой традицией и коммуницировать с людьми. Так у исследователя формируется эмпатия, и наш учитель Р.Ф. Итс своим стремлением сохранить и защитить малый народ выступал для всех нас живым примером. Только в поле этнограф начинает понимать, как много мы, сидя в кабинетах, теоретизируем, а на деле может быть совсем не так. Исследователь, изучающий народы, несет ответственность за их судьбы. Показательный был тогда урок!

С.А.: Екатерина Назаровна, расскажите, пожалуйста, о вашей кандидатской диссертации. В чем были актуальность и новаторство вашей работы? С какими устоявшимися в науке представлениями и теориями (а также их авторами) вы спорили?

Е.Р.: Обосновывая актуальность темы, я написала, что в этом празднике сегодня, к сожалению, очень мало осталось этнического. В основном он справлялся в деревне, и там оставалось еще что-то свое, народное, но в городском праздничном календаре Ысыах отсутствовал. Я хотела реконструировать праздник и начать изучать его слой за слоем, постепенно углубляясь. В отделе сказали, что нужно сперва описать, какой был праздник в его историко-этнографической экспозиции, а я взяла его как культурное явление уже в трансформированном виде. На первом обсуждении метод работы не всем моим старшим коллегам понравился, но я объяснила своему научному руководителю, что современный праздник Ысыах функционирует в разных картинах мира, при этом он «скрепляет» национальную идентичность, и Рудольф Фердинандович со мной согласился. Диссертация так и начинается: сперва я рассматриваю все современные тексты об этом празднике, а затем реконструирую его многослойную символику. Так, я смогла выделить ядро календарного праздника Ысыах: центральный обряд обращения к божествам айыы и кропление кумысом, а также коллективный обряд кумысопития. Показательно, что сохранился осуохай, ритуальные сооружения (коновязь) и жертвенная нить салама — переплетенный конский и коровий волос с разноцветными лоскутками материи, а также ритуальные состязания. Выходит, «стержневая» ритуальная культура якутов сохранялась и в советское время.

Одним из выводов моей работы было то, что Ысыях, пусть и в усеченном виде, существовал и возвращал культурную память.

Отмечу, что у меня были оппонентами два замечательных исследователя. Один — Юрий Борисович Симченко из Института этнографии в Москве. Мне говорили многие, что могут быть проблемы с защитой, ведь работа выполнена в Ленинградской части Института этнографии, а оппонент из Москвы. Юрия Борисовича Симченко мне предложил сам Рудольф Фердинандович, мотивируя это тем, что Симченко очень тонко чувствует культуру и при этом прекрасный источниковед! Вторым оппонентом была Алма [Бектурсыновна] Кунанбаева²⁹, она тогда была заведующей сектором Кавказа, Средней Азии и Казахстана в РЭМ, известный специалист по тюркским народам. Так как один из выводов был о том, что праздник Ысыях — наследие степной коневодческой культуры, и он связан с культом Солнца и Луны, нужен был эксперт по тюркской мифологии. Оба оппонента высоко оценили мое диссертационное исследование. Юрий Борисович пожелал мне продолжить работу, потому что в диссертации я только приоткрыла мир степного наследия на вечной мерзлоте. Так он и сказал. Обязательно все работы, связанные с тюркской культурой, нужно было показывать Леониду Павловичу Потапову, я так и сделала. Ездил к нему в Комарово. Вера Павловна Дьяконова³⁰, специалист по тувинской культуре, очень благосклонно отнеслась к моей работе. Она была оппонентом еще моего дипломного проекта. Когда я первый раз пришла к ней с дипломной работой, она шутя сказала мне, чтобы я скорее вышла замуж, поскольку в Сибири может быть только одна Дьяконова и это — Вера Павловна! [смеется]. Я стала думать, что к кандидатской диссертации надо уже выйти замуж [смеется]. Я очень благодарна и ей, и Ларисе Романовне Павлинской, и Галине Николаевне Грачевой. 1980-е годы для меня — это время, когда я постоянно набирала новые знания, много языкового материала использовала в работе, был проведен и семиотический анализ. Я ходила на семинар в Институт востоковедения к известному тюркологу Сергею Григорьевичу Кляшторному³¹.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, об этой эпохе 1980-х годов и вашем круге общения в то время.

Е.Р.: Восьмидесятые годы — это вообще было время новых знаний и духовного единения этнографов. И я хочу заметить, что с моим мужем мы познакомились тоже, скажем, в контексте этнографической науки, потому что я писала рецензию на его первый документальный фильм об Ысыяхе. Я была тогда аспиранткой и написала не очень хорошую рецензию, указав, что в фильме перемешаны разные локальные варианты Ысыяха, и это неправильно. И вот этот студент ВГИКа решил со мной встретиться. Он приезжал

²⁹ Кунанбаева Алма Бектурсыновна (род. 1949) — музыковед, кандидат искусствоведения, профессор Стэнфордского университета в США.

³⁰ Дьяконова Вера Павловна (1927–2011) — советский этнограф, в 1976–2002 гг. старший научный сотрудник сектора Сибири ЛЧ ИЭ АН СССР/МАЭ РАН. Специалист по народам Алтая и Тувы.

³¹ Кляшторный Сергей Григорьевич (1928–2014) — советский и российский востоковед-тюрколог. Кандидат исторических наук, профессор.

на съемки фильма в эпизодической роли, и мы так с ним познакомились. БСыях нас соединил, моя научная работа, так я встретила своего будущего мужа Алексея Романова³².

Я помню, как шла его дипломная работа. Он проходил стажировку на Ленфильме, поэтому я на Ленфильме могла быть вместе с ним. Когда он снял «Мааппу», свой дипломный фильм, был художественный совет, и мы были с Лешей там, и я впервые увидела Алексея Германа-старшего, для меня тоже это очень много значит. Я сидела тогда и думала: как символично, что я все время в духовном общении с выдающимися людьми науки, а у Алексея выдающиеся люди искусства... Там был Виталий Мельников, который снял сериал «Шерлок Холмс», там уже начал в то время работать Александр Сокуров, но на художественном совете его не было. Я просто хочу сказать о том, что я видела, как зарождается якутское кино, профессиональное, это тоже для меня было очень значимо.

А потом в Доме кино была премьера «Урги» Никиты Михалкова. У нас не было билетов, и мы зашли туда как монголы, говорили по-якутски, и нас приняли за актеров, пропустили без всяких билетов. Я очень хорошо помню, что мы были такие гордые тем, что мы зашли туда и сидим! И там я впервые встретила Никиту Михалкова.

Это было время как воронка, в которой столько людей, столько новых встреч, идей — и ты все впитываешь.

А теперь хочу остановиться на символической дате; это, по-моему, был 1985 год. Была большая конференция, посвященная Г.Н. Потанину в Новосибирске, где собралась весь «цвет» советской этнографии и археологии. И там я впервые встретила Наталью Львовну Жуковскую³³. Это была очень знаменательная конференция, потому что там «рождался» новый интеллектуальный ландшафт, характеризующийся активным восприятием методологических новаций и творческим преобразованием. Бурные обсуждения после секций продолжались в гостиничном номере, где собирались все вместе. Андрей Головнев³⁴, Андрей Сагалаев, я, Михаил Бронштейн³⁵ и известный впоследствии казахский этнолог Нурбулат Масанов³⁶. Такая у нас была компания. Мы много дискутировали по современным вопросам этнографии. Я с Нурбулатом Маса-

³² Романов Алексей Семенович (род. 1958) — кинорежиссер, сценарист, художественный руководитель государственной национальной кинокомпании «Сахафильм».

³³ Жуковская Наталья Львовна (род. 1939) — этнолог, доктор исторических наук (1990), заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований ИЭА РАН. Специалист по культуре монголоязычных народов.

³⁴ Головнев Андрей Владимирович (род. 1958) — российский этнолог и антрополог, специалист по истории народов Северной Евразии, доктор исторических наук (1996), профессор (2000), член-корреспондент РАН (2003). Директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

³⁵ Бронштейн Михаил Мокович — главный научный сотрудник Государственного музея Востока, кандидат исторических наук, специалист по искусству Севера.

³⁶ Масанов Нурбулат Эдигеевич (каз. Нұрболат Едігеұлы) (1954–2006) — ученый-историк, этнолог, инициатор и основатель первого в Центральной Азии Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов, доктор исторических наук (1991), общественно-политический деятель.

новым сразу нашла общий язык, потому что у нас тогда был один вопрос: мы очень много говорили тогда об обществе «Алаш»³⁷ и о нашей национальной интеллигенции. К сожалению, Нурбулата сегодня нет с нами, нет и талантливого Андрея Сагалаева; с Андреем Головневым мы дружим до сих пор, с Михаилом Бронштейном тесно дружим семьями. И именно на этой конференции я познакомилась с Ирой Октябрьской³⁸, мы дружим и поддерживаем друг друга и по сей день. Эта конференция показала, кто пойдет дальше в науку, и чьи имена скоро станут известными в отечественной этнографии. Это было видно уже по ярким выступлениям и оригинальным выводам новой волны молодых исследователей.

На этой конференции был Илья Самуилович Гурвич³⁹, который мне сказал: «Я слышал ваш доклад про Ысыях, вы очень много накопили». Я тогда была так рада, потому что это говорил человек, который тоже для меня очень много значит, потому что Илья Самуилович, конечно, один из корифеев североведения, и он очень хорошо знал якутский материал. Вот почему я была так горда оценкой моего доклада Ильей Самуиловичем. Эта конференция стала своего рода моим посвящением во «взрослую» этнографию. В воздухе этого форума этнографов и археологов витал дух романтики. Мы были рядом с «аксакалами» этнографии, с поколением блестящих этнографов, и мы понимали, что когда-то наше поколение тоже должно совершить методологический поворот в науку. Это было время духовного единения этнографов, доброжелательности и взаимного уважения, когда не было серьезных поколенческих разрывов.

С.А. Арутюнов и Е.Н. Романова в Институте этнологии и антропологии РАН, конец 1990-х гг.

³⁷ Алаш — казахское общественно-политическое национально-освободительное движение, объединившее казахскую и киргизскую интеллигенцию, созданное в 1917 г.

³⁸ Октябрьская Ирина Вячеславовна — этнолог, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИАЭТ СО РАН. Специалист по культуре тюркских народов Южной Сибири.

³⁹ Гурвич Илья Самуилович (1919–1992) — советский этнограф, доктор исторических наук, один из выдающихся представителей советской школы североведения.

В Институте этнологии и антропологии РАН 24 июня 1997 г. Слева направо – Е.Н. Романова, Ацуси Есида, С.А. Арутюнов, Н.Л. Жуковская

С.А.: Назовите, пожалуйста, книги или авторов, оказавших влияние на вас как исследователя? Причисляете ли вы себя к какому-то научному направлению или школе?

Е.Р.: Когда мы были еще в университете, на сибирском семинаре ставились различные теоретические вопросы. Я тогда была под впечатлением от книги Сергея Александровича Арутюнова «Народы и культуры: развитие и взаимодействие». Мне очень нравился этот фундаментальный труд, который сыграл очень большую роль в методологическом дискурсе этнографов того времени. В первый раз я Сергея Александровича Арутюнова увидела на защите в нашем институте (ленинградской части). Ой, какое было яркое выступление! При этом он был так изящно одет, у него была белая рубашка с жабо и большая брошь. Мы, аспирантки, были в него влюблены, конечно: ученый с такой мощной харизмой! Потом я не раз рассказывала ему о своем впечатлении от первой встречи с ним. Он только смеялся...

В университете все подряд читали Леви-Стросса. Его тогда только издали в «Восточной литературе», и в общежитии у нас была запись, кто будет читать. Я была долго в плену его схем и моделей. Когда было столетие Леви-Стросса, меня пригласили в Санкт-Петербург в Российский этнографический музей на коллоквиум. Из Сибири была я одна, я прочитала семиотический доклад о проживании вещи в культуре на примере якутской традиции. Структурализм не прошел мимо меня, я тоже им переболела...

Возвращаясь в годы моей аспирантуры, вспоминается случай. Мы с сестрой Юлией допоздна работали тогда в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрин. И один раз мы увидели объявление, что там в 18.00

будет встреча со Львом Николаевичем Гумилевым. Я его слушала несколько раз в университете, а тут уже какое-то время прошло, я уже в аспирантуре была, и мы пошли с Юлей на эту встречу. Он рассказывал как раз о своей последней книге, по-моему, связанной с пассионарностью, рождением этноса. И в конце мы написали записочку про народ саха: «Что вы скажете по поводу происхождения саха (якутов)?» Вы знаете, я тогда была так поражена им, потому что он сказал: «Это очень хороший вопрос потому, что, когда речь идет о саха, я сразу вспоминаю блестящую работу Ксенофонтова „Ураанхай сахалар“». Ну и, конечно, он сказал о многокомпонентности происхождения народа саха и еще о том, что якуты — пассионарии. Он как будто предвидел будущее народа. Сейчас действительно многое, что делает Якутия, очень креативная республика — это посыл, который я тогда услышала и запомнила от Льва Николаевича. С уважением отношусь к его работам, это был поток свежего воздуха и нового взгляда на культуру в те годы.

Думаю, что Гавриил Васильевич Ксенофонтов был очарован работами немецких этнологов. Ему очень импонировала теория культурных кругов Гребнера. Мне кажется, что все это интеллектуальное наследие возвращается. Я никогда не занималась этногенезом, никогда не занималась этнической историей. Я изучала категории культуры, семиосферу холодной земли.

И вы знаете, в 1990-е годы моя работа вдруг понадобилась! Потому что наш первый президент Михаил Ефимович Николаев дал задание интеллигенции, что нам нужна такая национальная идея, которая бы нас, народ саха, объединила. Тогда было очень много разных движений, собраний. Было ощущение подъема, возрождения культуры, и институт, конечно, тоже должен был в этом сыграть свою созидательную роль. Я советовалась со своими коллегами и единомышленниками Анатолием Игнатьевичем Гоголевым⁴⁰, Ксенофонтом Дмитриевичем Уткиным⁴¹, Лазарем Андреевичем Афанасьевым⁴². Я говорю: знаете, наверное, объединить может праздник. Потому что если мы сейчас начнем говорить, что национальной идеей станет историческая память, то все начнут вспоминать гражданскую войну. И в гражданской войне мы явно начнем улусы вспоминать, сколько там погибло, кто белый, кто красный. Скорее всего, это не то, что может объединить. Многие говорили, что давайте объединяющим фактором станет якутский язык. Тут я понимала, что у нас городское население не совсем хорошо владеет языком, тоже будет какая-то не очень комфортная ситуация. Вот поэтому я предложила: давайте объединяющим символом станет наш праздник Ысыах, потому что главная его функция была коммуникативная. После холодной зимы все хотели своими новостями поделиться, и гость становился сразу своим. Войдя в круг ритуального танца осуохай, он входил в мир народа саха и чувствовал его дыхание, пульсирующий жизненный ритм.

⁴⁰ Гоголев Анатолий Игнатьевич (род. 1941) — доктор исторических наук, профессор, выдающийся якутский этнолог и палеоэтнограф.

⁴¹ Уткин Ксенофонт Дмитриевич (1935–2016) — советский и российский историк и философ. Кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор.

⁴² Афанасьев Лазарь Андреевич (1952–2017) — якутский публицист и филолог, кандидат филологических наук. Специалист по фоносемантике, лексикографии и терминологии, основатель религиозного учения Айыы Уөрэбэ.

И это сыграло! Михаил Ефимович сразу поручил написать концепцию. Мы концепцию написали. Она была утверждена на Верховном Совете, праздник стал государственным и вошел в Конституцию Республики Саха (Якутия). И, конечно, большую часть текста мы взяли из моей диссертации. Поэтому я очень рада, что все-таки, когда я думала о том, что я хочу сделать что-то вечное, у меня это получилось. Сейчас национальный праздник Ысыах является самым массовым этническим праздником в России. Я до сих пор пишу концепции праздника Ысыах, учитывая его изменения и придавая ему новые смыслы. Как научный эксперт я сохраняю его «стержневое» ядро, связанное с традиционным мировоззрением народа саха. Ведь этот праздник сохраняет до сих пор конные традиции и кумысную культуру кочевников степной Евразии. Приезжают наши тюркские коллеги, ученые из Монголии, и они все говорят о том, что якуты оказались хранителями уникальной степной культуры кумысопития. «Мы, к сожалению, это уже утеряли, вы это сохранили и восстановили». Поэтому я думаю, что это очень важное событие 1990-х годов, когда якутский праздник Ысыах стал государственным.

В это время у Алексея появляется национальная кинокомпания «Саха-фильм», у истоков которой он стоял. Так родилось якутское кино. Первый полнометражный фильм «Орто дойду» («Срединный мир») Алексея Романова, вышедший в 1993 г. — это фильм для тех, кто искренне хочет понять свои корни, познать аутентичную культуру и мировоззрение, самобытность и заглянуть в прошлое, чтобы увидеть будущее. Сценаристом первого художественно-этнографического фильма выступила я. Было очень ответственно... У нас тогда появились свои, якутские, творческие имена — Кэрэмэн Сата и Уот Айархаан. Якутский праздник Ысыах и якутское кино — это был долгий путь самоидентификации народа.

С.А.: Как складывалась ваша дальнейшая научная работа? Какими темами вы занимались? С чем связан интерес к этим темам?

Е.Р.: После защиты кандидатской я поехала домой, поступила в Институт языка, литературы и истории. Меня взяли в сектор межнациональных отношений. Мы работали все время под началом Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск отправляет нам программы, а мы по ним работаем. В основном тогда все время почему-то занимались этносоциологией, руководителем был В.И. Бойко, философ и социолог. Это было не совсем мое, но опять же на пользу, в связи с этой программой мы стали больше заниматься экологической культурой. И был масштабный проект, связанный с тем, чтобы обратить внимание на чистоту бассейна р. Вилюй. И мы в 1990-е годы ездили в очень длительные экспедиции. И там мы использовали анкеты, которые были у Леокадии Михайловны Дробижевой⁴³. Для нас очень важно было обратить внимание на этническое самосознание. Мы сделали впервые такую анкету, где написали вопросы о священных местах, о том, что такое для нас территория предков. То есть какие-то такие вопросы, которые мне были интересны. И я, конечно, вставила ряд вопросов по моему празднику. Например, «Что для вас значит праздник Ысыах?», «Какие обряды вы совершаете?», «Какие вы делаете приношения озеру?». То есть, пользуясь этими

⁴³ Дробижева Леокадия Михайловна (1933–2021) — советский и российский историк, социолог. Заслуженный деятель науки РФ (1999). Одна из основателей этносоциологии в российской науке.

этносоциологическими исследованиями, я смогла что-то сделать и для себя. Нас с Вандой Борисовной Игнатъевой⁴⁴, двух молодых мам (нашим детям было по два года), отправляли в экспедиции по два месяца. Так получилось, что мы почему-то не отказывались и ехали. Видимо, нельзя было тогда отказываться, я уже и не помню. С этими анкетами мы приезжали на сайылыки (летний тип сельских поселений) в места сенокоса. Весь день мы помогали по хозяйству, укладывали сено в стога, а вечером за костром разговаривали, отвечали на вопросы анкеты. Так я собрала материал к своей книге.

Аглымов С.С. Романова Е.Н. «Этнография – это не только про народы, это про нас». Интервью с Екатериной Назаровной Романовой

Екатерина и Алексей Романовы в гостях у С.А. Арутюнова и Н.Л. Жуковской. Июнь 1999 г.

Л.Х. Абрамян, Е.Н. Романова и Б.Х. Бгажноков в гостях у С.А. Арутюнова и Н.Л. Жуковской. 1999 г.

⁴⁴ Игнатъева Ванда Борисовна — кандидат исторических наук, заведующий сектором этносоциологии ИГиИПМНС.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, о работе над докторской диссертацией.

Е.Р.: Я поступила в докторантуру в 1995 г. в Москву. Моим научным консультантом стала Наталья Львовна Жуковская, я воспринимаю ее как самого близкого и дорогого для меня человека и благодарна судьбе за то, что она подарила мне встречу с ней. Во время докторантуры я подружилась не только с коллегами из сектора Севера, но и коллегами из Института славяноведения и балканистики. Я участвовала в их конференциях. Так я познакомилась со школой Никиты Ильича Толстого⁴⁵. Такая фундаментальная этнолингвистическая школа и сектор фольклора, куда я ходила на обсуждения, их конференций, это общение мне очень много дало. Так много, что ведущей организацией моей диссертации стал Институт славяноведения и балканистики. Я им очень признательна. Книга моя вышла до защиты в 1998 г. в Институте этнологии и антропологии в серии «Новые исследования по антропологии». На эту книгу очень хороший отзыв дал Владимир Николаевич Топоров⁴⁶. Он написал о том, что появляется новое символическое направление в якутской этнографии.

Хорошо, что вы все рядом, и Институт всеобщей истории, и Институт славяноведения, и ваш Институт, все в одном здании. Поэтому часто, увидев какие-то интересные конференции, я принимала в них участие. И я очень благодарна Светлане Михайловне Толстой, потому что она меня ввела в свой отдел, я там познакомилась с коллегами-филологами. Докторская моя называлась «Мифология и ритуал в якутской традиции», она уже была намного шире, мне нужно было показать символическую систему в целом. И я понимала, что докторская — это уже твоя концепция, которую ты сам вынашиваешь. В секторе Севера моим покровителем была Мария Яковлевна Жорницкая⁴⁷. Я очень любила Марию Яковлевну, она работала у нас в Якутии в институте языка, литературы и истории. После обсуждения моей темы в Институте этнологии и антропологии РАН Мария Яковлевна с такой радостью звонила в наш институт в Якутск, мне потом коллеги рассказывали: «Наша Катя так успешно защитила свой план-проспект на Ученом совете у нас». А еще я помню один весьма символический момент. Я обсудила план-проспект своей докторской, вышла, а там в курилке стоял Чешко⁴⁸. У него спрашивают, что там у вас, а он говорит: «А там одна женщина из Санкт-Петербурга докторскую свою обсудила». То есть я там не выглядела, видимо, как из провинциального Якутска, план-проспект моей докторской опирался в основном на символический анализ. Во время докторантуры я познакомилась и подружилась с аспиранткой

⁴⁵ Толстой Никита Ильич (1923–1996) — советский и российский лингвист-славист и фольклорист, доктор филологических наук, профессор.

⁴⁶ Топоров Владимир Николаевич (1928–2005) — советский и российский лингвист и филолог. Доктор филологических наук, действительный член АН СССР (1990). Один из основателей московско-тартусской семиотической школы.

⁴⁷ Жорницкая Мария Яковлевна (1921–1996) — специалист по этнохореографии народов Сибири, кандидат исторических наук, заслуженная артистка Якутии.

⁴⁸ Чешко Сергей Викторович (1954–2019) — советский и российский историк и этнолог. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

в те годы отдела зарубежной Азии Светланой Рыжаковой⁴⁹. Встретились мы с ней на конференции, посвященной календарной обрядности, и сразу поняли, что мы на одной волне. Сколько мы с ней обсуждали разных семиотических тем. Позднее я познакомилась с ее семьей, меня всегда вдохновляла мама Светы — Людмила Алексеевна, удивительная женщина с энциклопедическими знаниями в области изобразительного искусства, литературы, поэзии, театра. Мы с ней сразу нашли общий язык. Она всегда погружала меня в пленительную атмосферу утонченного Петербурга, кстати, она сама была родом из Ленинграда. В этот период мы со Светой ездили в Латвию, где она договорилась, чтобы я прочитала в Риге лекции по якутскому шаманизму. Будущий индолог и балтист, Светлана помогала мне раздвинуть границы моей темы и увидеть «невидимое». Мы и сейчас обсуждаем свои жизненные сценарии и научные контексты.

Свою работу я обсуждала в основном с Натальей Львовной Жуковской⁵⁰. Наталья Львовна мне сказала: «Ты, я вижу, человек совершенно самостоятельный, мне будет очень интересен твой якутский материал». Получилось, что я была на два отдела — отдел Сибири и сектор зарубежной Азии. А работу я писала, конечно, сама. Она у меня, во-первых, не чисто этнографическая. Я решила взять теорию Кассирера⁵¹, мне очень хотелось показать символический аспект, сделать символическую знаковую систему, что все в этом мире заложено в символах. Что-то я показывала, конечно, и моим семиотикам в Санкт-Петербурге. Я прорыла весь архив у нас в Якутске и ввела в оборот очень важные темы, связанные с сакральностью ремесленных технологий. Я взяла гончарство якутов, раньше об этом никто не писал, сделала переводы с якутского на русский и ввела тему, что ремесленные технологии могут выполнять космологические функции. В якутской культуре горшечница считается старшей сестрой кузнеца и шамана, то есть считается, что она сильнее их. Мне было очень интересно вообще все, что связано с сакральным миром гончарства. Так получилась отдельная глава по ремесленным технологиям.

Также впервые были описаны обряды, которые назвала «обрядами неблагоприятия». Главная функция обрядов — это достижение гармонии, а в якутской культуре есть так называемые обряды «обратного действия». Я их реконструировала на основе книги «Обряды перехода» А. ван Геннепа⁵². Такие обряды неблагоприятия очень интересны, потому что якутская культура созидательна сама по себе. В основе якутской культуры лежит действие, потому что праздник Ысыах — это первоситуация сотворения мира и человека, и само название праздника «ысыах» производно от глагола «ыс» — кро-

⁴⁹ Рыжакова Светлана Игоревна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, профессор Российского Государственного Гуманитарного Университета, член Индийского антропологического общества.

⁵⁰ Жуковская Наталья Львовна (род. 1939) — советский и российский этнолог. Доктор исторических наук (1990), профессор (1998), заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Специалист по культуре монголов и бурят.

⁵¹ Кассирер Эрнест (1874–1945) — немецкий философ. Развивая идеи Марбургской школы неокантианства, пришел к созданию оригинальной теории символической функции сознания и философии культуры.

⁵² Арнольд ван Геннеп (1873–1957) — французский этнограф и фольклорист. Наиболее известная работа — «Обряды перехода» (1909).

пить, окроплять кумысом. У меня был вывод, что якутская культура несет креативный потенциал. Если смертей много, что-то не получается, то нужно смоделировать эту ситуацию в обряде неблагополучия. Я нашла описание уникальных окказиональных обрядов, связанных с неблагополучием в сфере деторождения. Они назывались обрядами изготовления «гнезда» будущему ребенку и проводились белым шаманом. Я их перевела с якутского на русский и ввела в научный оборот.

При этом у меня не работала леви-строссовская система бинарных оппозиции вообще никак. Я впервые написала о том, что в якутской культуре семиосфера носит пластичный характер. То, что сегодня могло бы быть бинарным, перетекает по культурному полю смыслов и переходит уже в онтологическую симметрию. Так, постепенно выстраивалась концепция моей работы.

Исследование было междисциплинарное, я довольно много поработала по языковой картине, выделила ритуальный язык в культуре саха и проанализировала символические коды культуры. Но это уже больше было методологией, которую применяют Топоров и Иванов⁵³, это уже семиотика. И в этом плане материал очень хорошо ложился, поэтому мою работу, наверное, можно назвать семиотической, но, с другой стороны, в ней есть сюжеты, связанные с биографией современной культуры, в целом с мифотворчеством в постсоветском пространстве. Одна глава была посвящена современным текстам культуры, я писала о «новых» шаманах. Я работала с одной нашей очень известной шаманкой, Дорой Кобяковой (*Эдьий Дора*), она тогда как раз была в посвящении. Все эти шаманские тексты я включила, а также писала и о нашем этно-роке.

Вот смотрите, как интересно: в 1980-е годы начинаются первые рок-фестивали. Ленинградский рок-клуб, Свердловский рок-клуб. И вдруг приглашают Якутию, потому что у нас в маленьком Верхневилуйском селе была уникальная группа «Чолбон» (переводится как Венера), и я как раз писала статью для Леокадии Михайловны в ее проект про культурные дистанции. Я тогда написала об этой группе, сказав о том, что они первые в стиле «Пинк Флойд» поют песни, которые нас обращают к творчеству первого поэта Кулаковского⁵⁴. В их песнях есть такие строки: «Я как орел вздымаюсь над своей землей, я смотрю, что происходит с ней». Символ орла вообще очень важен в нашей культуре, он является предвестником всех событий, орел, как правило, превращается в предка, божество, шамана.

Я хочу сказать о том, что все эти культурные события, которые у нас были, мне приходилось анализировать, изнутри, т.к. я была сама активным участником этнического «ренессанса». Я ходила в Саха театр на новые постановки, старалась найти ту знаковую систему, которую я обнаружила в мифологии и ритуале. В этой диссертации есть то, что я оттуда беру и сейчас. Эта семиосфера традиционной культуры, которая кодирует современный культурный текст саха в XXI в.

⁵³ Иванов Вячеслав Всеволодович (1929–2017) — советский, российский и американский лингвист, переводчик, семиотик и культурный антрополог. Доктор филологических наук (1978), академик РАН (2000). Один из основателей Московской школы компаративистики.

⁵⁴ Кулаковский Алексей Елисеевич (Өксөкүлээх Өлөксөй) — (1877–1926) — якутский писатель, поэт, один из основоположников якутской литературы.

Оппонентами у меня были крупные специалисты, я не говорю, конечно, про Сергея Александровича Арутюнова, потому что он был всегда в курсе моей работы. Когда я приходила к Наталье Львовне, когда обсуждала свою работу, он всегда сидел и слушал. Он мне всегда говорил, что у тебя, Катя, просто уникальные материалы, уникально то, что ты перевела, что ты сделала, он был моим первым оппонентом. Вторым оппонентом выступила известный семиотик, специалист по сибирскому шаманизму Елена Сергеевна Новик⁵⁵, и третьим оппонентом стала археолог Марианна Дэвлет⁵⁶. И все они дали высокую оценку моей работе.

Я приехала очень окрыленная после своей докторской, это был 1999 год. В 2001 г. стала руководить Центром этнологических исследований, который я сама создала. Этнографы у нас тогда были только молодые, с ними и пришлось работать.

Связи с Москвой не прерывалась. Вспоминаю сотрудничество с Даниилом Давидовичем Тумаркиным⁵⁷. Он меня пригласил в свой проект «Репрессированные этнографы». Я написала для него большой раздел по Гавриилу Ксенофонтову. Он очень был мне благодарен, что я нашла время написать, по-моему, это было начало двухтысячных годов. В это время я выиграла грант Министерства науки и спорта Японии и поехала в Киото, в Университет Киото. Там сибирский семинар у нас был. И я там работала, читала лекции и давала консультации студентам, аспирантам, которые хотят заниматься Сибирью и Якутией. Времени не хватало, но, тем не менее, я постаралась написать о нем статью и ввести новые материалы о его деятельности.

В 2004 г. не стало моей сестры Наташи, которая была первым интеллигентом в Якутии, и я поняла, что мне надо продолжать ее исследования, интеллектуальную историю. Поэтому у меня сейчас два направления больших. Я сейчас являюсь руководителем Центра интеллектуальной истории и культуры. Это первый, наверное, центр, который есть за Уралом. Хочу отметить, что в формировании этого направления в нашем институте мне очень помогла Лорина Петровна Репина⁵⁸. Это тоже для меня неожиданный подарок судьбы. Она сразу откликнулась на мое письмо, и с этого времени ее ценные советы и поддержка вдохновляют нас на новые открытия в этой области. Интеллектуальная история, и историческая семантика, и семиотика холодного мира — это все одна большая тема.

⁵⁵ Новик Елена Сергеевна (1941–2014) — советский и российский фольклорист и культурный антрополог, исследователь фольклора и традиционной культуры народов Сибири.

⁵⁶ Дэвлет Марианна Арташировна (1933–2021) — советский и российский археолог, доктор исторических наук, специалист по археологии Южной Сибири и Центральной Азии, наскальным изображениям.

⁵⁷ Тумаркин Даниил Давыдович (1928–2019) — советский и российский ученый, специалист в области этнографии и истории Океании, а также истории этнографии, исследователь жизни и творчества Н.Н. Миклухо-Маклая. Доктор исторических наук.

⁵⁸ Репина Лорина Петровна (1947) — советский и российский историк, медиевист, специалист в области методологии истории, историографии и интеллектуальной истории Западной Европы. Автор исследований по исторической урбанистике и истории Великобритании в Средние века и раннее Новое время. Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Я думаю, что тут очень важна методологическая новация: я внесла в интеллектуальный проект антропологию холода. Когда я смотрю дореволюционную литературу, там точно есть дискурс о Севере как провинции, богом забытом месте. А у нас, этнографов, и вообще начиная с работ Ксенофонтова, совсем другой дискурс — что это территория динамичного культурного трансфера и оживленных социокультурных процессов. Именно все как у Лотмана: все инновационные процессы возникают на границах метрополий. В менталитете россиян существует до сих пор стереотип о том, что все, что не Москва — это все такое отсталое, провинциальное. Поэтому очень важно, чтобы моя научная школа, а у меня сейчас пять защищенных аспирантов, чтобы они работали над тем, чтобы показать, что Север, и в частности Якутия — это такая территория многоязычия, межцивилизационного диалога, циркулирования разных идей, формирования уникальной культуры больших пространств. Появились даже новые народы, например, долганы. В общем, я думаю, что сейчас для меня очень важно, чтобы моя научная школа занималась не только теорией, но и реализовывала просветительские и прикладные проекты. Мое становление как профессионального этнографа проходило в музейном пространстве Кунсткамеры, поэтому для меня очень значимы музейные выставки, к которым я писала концепции и реализовывала их со своими петербургскими коллегами в Кунсткамере и РЭМе.

С.А.: Как развивается направление исследований, в котором вы работаете? Как вы оцениваете его состояние в настоящий момент?

Е.Н. Романова. Киото, 2002 г.

Е.Н. Романова и Даниэль Шартье.
Ушуйя, 2016 г.

Аглымов С.С. Романова Е.Н. «Этнография – это не только про народы, это про нас». Интервью с Екатериной Назаровой Романовой

Е.Р.: Для меня очень важно, чтобы и я, и мои ученики, и наши исследования были востребованы. Я в 2014 г. вместе с Дмитрием Николаевичем Замятым⁵⁹ выиграла первый тогда конкурс РНФ. Мы выиграли грант на создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики. Это нас очень вдохновило, потому что мы сразу начали работать с культурными и геокультурными образами нашей республики, с геокультурными образами Севера в целом. Вообще такой тандем этнографа и гуманитарного географа очень много дал. В 2016 г. в четвертом номере «Этнографического обозрения» как раз есть наш блок по теме геокультуры, мы представляем там свои теоретические и прикладные исследования по геокультурному развитию пространства Севера и Арктики. Вот с этого времени концепт геокультуры стал частью семиосферы холодного мира. У меня есть единомышленник в Канаде, Даниэль Шартье⁶⁰, ученик Луи Эдмона Амлена⁶¹, тоже географа, который много написал о северности. Я очень уважаю этого ученого. Это университет Квебека, мы довольно долго с ним общались, потому что я тоже туда ездила, работали с ним. У него очень интересная междисциплинарная лаборатория, «Международная лаборатория сравнительных междисциплинарных исследований репрезентаций Севера». Он в 2020 г. издал книгу про методологию

⁵⁹ Замятин Дмитрий Николаевич — российский географ, культуролог, поэт. Кандидат географических наук, доктор культурологии. Основоположник культурной географии, автор концепции метагеографии и геокультурного брендинга.

⁶⁰ Шартье Даниэль — профессор, руководитель Международной лаборатории сравнительных междисциплинарных исследований репрезентаций Севера Университета Квебека в Монреале (International Laboratory for the comparative Multidisciplinary Study of Representations of the North, University Québec Montréal).

⁶¹ Амлен Луи Эдмон (1923–2020) — географ, лингвист, профессор Университета Лаваль (Квебек).

наших с Дмитрием Николаевичем Замятиным исследований про геокультуру у себя в университете Квебека (*Méthodologies* 2020). Это говорит о том, что то, чем я занимаюсь — «семиосфера холода» и проекции переживания и воображения северного пространства — это мировая гуманитарная проблема. У нас книга на эту тему вышла в 2023 г. (*Ландшафт* 2023). Мои ученики развивают это инновационное направление в российской этнографии.

У нас в Якутии в 1917 г. выходил журнал «Якутская молодежь», назывался «Сырдык» (свет), и редактор журнала А. Рязанский⁶² написал, что одна из задач якутской молодежи — стать мыслителями в истинном значении этого слова. Очень жалко, что у нас не хватает сегодня именно нашей, гуманитарной науке мыслителей. Целая эпоха ушла вместе с Сергеем Александровичем Арутюновым: мыслитель, безусловно. Должны быть такие ученые, которые разбираются широко, не только в своей теме, они должны вообще реагировать, сопереживать. Не зря я Дмитрия Сергеевича Лихачева все время здесь вспоминаю, который говорил, что культура в первую очередь связана с нравственностью. Я сейчас больше занимаюсь интеллектуальной историей, поэтому вижу, что очень многие пишут в письмах своих, первая наша интеллигенция, как те же самые русские евразийцы, о выборе пути развития. Поэтому я думаю, что сегодня ученым надо очень много работать для того, чтобы повернуть к себе общество, а то у нас, знаете, как-то мы занимаемся своими темами, ездим много, экспедиции и прочее. Но знают ли о наших работах, могут ли нас уважать как истинных ученых в обществе? Сразу вспоминаются десять заповедей этнографа, озвученных еще в 1920-е годы нашими основоположниками советской этнографии. Я совсем недавно была на очень большом фестивале для молодых «Муус Устар», и я была экспертом в очень интересном конкурсе «цифровые художники». Нужно было дать несколько тем художникам со всей республики. Фестиваль назывался «Дыхание холода», поэтому меня пригласили, наверно, знают, что я занимаюсь антропологией холода. Я дала девять разных сюжетов на тему холода и была просто потрясена тем, как каждый художник воображает в цифровом пространстве холод! Там есть и люди, засыпающие на зиму в коре дерева, какие-то племена, ставшие ветром, или полярное сияние как хоровод девушек, потому что это такой миф был. Молодое поколение перепрограммирует мифы и возникают новые смыслы. Я все время думаю о том, что научные тексты (это в принципе мои статьи были)... я просто дала им вообразить эти концепты, эти метафоры креативные, как я называю, и они в «цифровых художниках» сделали мультфильмы на эту тему. Я подумала, что да, мы, антропологи, должны быть очень актуальны сегодня.

Мы работаем с Арктическим институтом культуры и искусств, мне не безразлично то, о чем думает и что чувствует творческий молодой человек. Для меня очень важны выставки, science art, это еще одно из направлений современных исследовательских стратегий этнографа. Я две выставки такие организовала: «Человек снежный» и «Бесконечная белая линия». Это антропология холода, я привлекла студентов, айтишников, художников, дизайнеров, и они делали свое исследование. Этнографы читают лекции, им что-то интересно, и они начинают воображать. У нас вышла в 2023 г. статья с молодым

⁶² Рязанский Асклиподот Афанасьевич (1898–1968) — якутский эмигрант, участник повстанческого движения 1921–1923 гг.

исследователем Святославом Федоровым (Романова, Федоров 2023). Там речь идет о хищниках как актантах, о волке, о медведе, и мы там даем как раз в качестве иллюстрации инсталляцию с выставки «Человек снежный». Девочка слушала нашу лекцию про то, что медведь, засыпая на зиму, слышит то, что о нем говорят люди, и если люди о нем говорят плохо, то он приходит к ним. Ему снятся сны. Есть такие мифы у народов Севера. И она сделала инсталляцию, очень сюжетную. Я пытаюсь поменять представление о Севере как о каком-то, как я сказала, далеком, богом забытом, диком крае, что здесь провинциальное образование. Я хочу это изменить, поэтому мои ученики, каждый, кто ездит на конференции, старается рассказать о нашем направлении и о созидательном коде северной культуры. Мы здесь очень перекликаемся с Андреем Владимировичем Головневым, поскольку у него тоже есть книга про северность России. Я много пишу о культуре больших пространств. Вы видите, какая Якутия — пятая часть России. Эта культура, этот пространственный текст создает совершенно новое воображение холодного мира. Почему кино у нас так развито? У нас авторский ландшафт реализуется через пространственные символы, которые связаны с живой природой — холод, снег, дерево, вода и др. Я еще ввожу в это художественное пространство «переживаний» «культуру воспоминаний». Память транслирует события и символы, пронизывает настоящее и будущее. Моя геокультурная концепция художественного освоения Севера во многом опирается на исследования Яна Ассмана⁶³.

С.А.: Что бы вы посоветовали молодым ученым, занятым работой в этом направлении и в этнологии/антропологии в целом?

Е.Р.: Я хотела бы сказать тем этнографам, которые начинают работать: надо с уважением относиться к тем, кто начинал и развивал этнографическую науку, к нашим предшественникам. Поэтому я очень деликатно отношусь к издательским проектам. Сейчас появились фундаментальные издания, посвященные С.М. Широкоговору, Г.М. Васильевич, А.А. Попову. Очень хорошо, что ученые обращаются к трудам классиков и очень уважительно относятся к их научному наследию. Да, именно через издательские проекты я близко познакомилась с Людмилой Ивановной Миссоновой⁶⁴. Первым издательским проектом был том «Якуты» в академической серии «Народы и культуры» (Якуты (Саха) 2012), куратором которой она является. Работа над этим томом нас объединила, мы многому учились друг у друга... Наши общие секции по ландшафту на конгрессах этнологов и антропологов, совместные экспедиции в рамках первого тома «Истории Якутии» и новые издательские проекты — все это сегодня не только наша исследовательская деятельность, но и пространство единомышленников, дружба — долгие годы.

Издания, где редактор — этнограф, всегда отличаются уважительным отношением к «истории одной жизни», скрупулезными научными комментариями и осторожными выводами. Вообще, это отдельный жанр в этнографии. Молодым я бы хотела пожелать сначала напитать себя тем огромным

⁶³ Ассман Ян (1938–2024) — немецкий египтолог, историк религии и культуры. Совместно с Алейдой Ассман разработал теорию культурной и коммуникативной памяти.

⁶⁴ Миссонова Людмила Ивановна — российский этнограф, кандидат исторических наук, ответственный секретарь многотомной этнологической серии «Народы и Культуры» ИЭА РАН.

интеллектуальным багажом, который нам оставлен нашими этнографами как дореволюционного, так и советского времени, а потом уже, освоив все это, найти свою нишу в науке. Я, кстати, так начинаю всегда свои лекции, когда иду к этнографам. Я приветствую, когда на моих лекциях со мной дискутируют студенты, когда они увлечены новыми идеями и антропологическими концепциями. Меня это вдохновляет, потому что для нас очень важно, чтобы появилось именно сейчас такое думающее поколение. Оно должно стать лучше нас, ведь сейчас так развивается вся цифровая культура, наука. Но почему я говорю про издания, про интеллектуальное наследие наших этнографов? Потому что, читая их, ты начинаешь понимать всю ответственность избранной профессии, ведь этнография — это не только про народы, это про нас...

Литература

- Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Издательство МГУ, 1966.
- Ландшафт и культура народов Якутии: сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы / под общ. ред. Е.Н. Романовой, Н.К. Даниловой. Новосибирск: Наука, 2023. 344 с.
- Романова Е. Н., Федоров С. И. Хищник как актант в системе жизнедеятельности якутов: между природой и человеком / Этнография. 2023. № 4 (22). С. 86–101.
- Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; М.: Наука, 2012. (переиздан в 2013 г.; с испр.). 599 с. (Народы и культуры).
- Méthodologies russes sur l'Arctique. Montréal, Imaginaire Nord de Daniel Chartier, coll. «Isberg», 2020.

Interview

Alymov S. S., Romanova E. N. Ethnography is not just about peoples, it is about us [Etnografii eto ne tol'ko pro narody, eto pro nas] *Anthropologies*, 2024, no 1, pp. 109-137, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/109-137>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alymov S. S. | alymovs@mail.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Senior Researcher

Abstract

S.S. Alymov's interview with anthropologist E.N. Romanova discusses her life, works, and views on the development of ethnography and anthropology of Yakutia. Ekaterina Nazarovna recalls her childhood, studying at the Department of Ethnography at Leningrad University, researching the Ysyakh holiday and the semiosphere of Sakha culture. The researcher talks about her communication with teachers and colleagues from St. Petersburg, Moscow and Yakutia, the development of Yakut ethnography/anthropology, and the cultural life of Yakutia and Leningrad in the 1980s-2020s.

Keywords: history of anthropology, Yakut ethnography, semiotics, festive culture, Ysyakh

